

Введение в историю русской философской мысли. Часть вторая

Следующая тема, которую можно было бы рассмотреть, завершая контуры этой картографии, выявляя в очень общих чертах структуру философского сообщества – это маргинальное и магистральное направления философии. Что считать центральным, приоритетным, важным, что полагать в эпицентр, чему можно и нужно подражать, а что нужно отодвинуть в сторону, задвинуть на обочину, иными словами говоря, соотношение центра и периферии – это давняя проблема. История философии показывает, что то, что сегодня является центром, средоточием интересов, то, чему сегодня подражают, завтра может быть задвинуто на задворки истории, уйдет в тень, будет считать ребячеством, не совсем серьезным, прогрессивное явление – мракобесным, и наоборот. К этой смене акцентов, смене статусов, смыслов и значений надо относиться спокойно, понимая, что нет ничего ни в истории, ни в мысли статичного. Во времена Аристотеля сумасшедшим могли посчитать всякого, кто сказал бы, что Земля не является центром Вселенной, что Земля не неподвижна. Пройдет какое-то время и безумным покажется тот, кто скажет, что Земля – центр Вселенной, она неподвижна, вокруг нее твердые сферы. Т.е. критерии того, кто ученый, а кто нет, кто умный, а кто глупец, меняются от эпохи к эпохе в зависимости от мнений, которые разделяется на тот момент большинством интеллектуалов, соответственно парадигмам.

Университетская и духовно-академическая философия рассматриваемого нами времени относится к магистральным направлениям мысли. При этом было несколько маргинальных направлений, которые в той или иной мере оказывали влияние – как позитивное, так и негативное – на философский процесс. К маргинальным направлениям можно отнести, к примеру, теософию, антропософию, и более позднее явление, «живую этику», все потоки мыслей и фантазий, связанных прямо или косвенно с Рерихами. Это такие формы квазифилософствования, для иных имеющих тип откровенного шарлатанства, маскирующегося философской терминологией. Теософия в исполнении Блаватской дает нам пример чистого интеллектуального шарлатанства. Навыки, приобретенные в свое время в цирке, понимание, что можно завладеть вниманием масс, простых людей, неискушенных и лишенных интеллекта, манипулировать их сознанием, сделали ее лидером направления. Масса любит чудеса, фокусы, почитает таинственное, загадочное, и она получила все это в теософии, где много «фокусов», в кабинете «мыслительницы» с потолка падали розы, появлялись письма от духов, звучали голоса невидимых учителей жизни. Она постоянно общалась с учителями, транслирующими ей мудрость из укрытий Тибета. Блаватская уловила интерес к Востоку, в то время как Западом многие уже были пресыщены, устали от традиционной метафизики и прямолинейного позитивизма, и потому склонны были к мистицизму, обещающему слияние с абсолютном без долгих лет обучения философии и прочим наукам. Западная философия давно вдоль и поперек изучена, и вся ее история показывала, что

во все века появляются новые школы, течения, направления, мысли, тексты, которые обещают раз и навсегда объяснить все в этом мире, разложить по полочкам, указать единственный путь. Но при прошествии какого-то времени выясняется, что существует много пробелов, недочетов, недоработок в той или иной системе, что очередная школа или направление, обещающая объяснить все, оказывается очередной иллюзией, обманом и т.д. Долго-долго от западной философии чего-то ожидали, долго-долго она сулила и не исполняла своих обещаний, а тут появляется что-то новое, оригинальное, ориентальное. А вдруг здесь будет все исполнено, о чем мечтали лучшие умы? Сказывался и эффект новизны – новая стилистика, иные тексты, другая структура материала. Запад силен в рассудочности, в рациональности. Никаких домыслов, все должно быть верифицировано, все должно быть подтверждено, суждение опирается на законы, опыт, каждый шаг умозаключения вы можете проверить, обнаружить сбой, скачек мысли. Есть силлогистика, позволяющая разложить поток вашего сознания, сформировать структуру текста, усмирить фантазию, не дать выдать желаемое за действительное. А здесь совершенно другая стилистика, и тоже не менее древняя традиция, и к тому же выясняется, что и на Востоке тоже давно рассуждали на эти темы. Поэтому этот эффект новизны безусловно сказался, он действовал какое-то время. Блаватская уловила этот запрос общества на новый дух, необычные веяния. Она предложила массе читателей, жаждущих просветления и совершенствования, совершенно новое, поведала о том, о чем ей рассказывали во время медиумических сеансов таинственные старцы с Тибета, обладающие мудростью всего человечества. И народ увлекся новым типом «мудрости». Здесь в очередной раз проявила себя не критичность обывательского сознания, доверчивого к словам, имеющим необычное происхождение.

Ну а тех, кто мог разоблачать эти формы «мудрости», было не так уж и много. Дело в том, что философское сообщество было немногочисленным, не то, что сегодня. Если мы говорим о философских факультетах в России до революции, то в XIX веке университетов было не больше десятка, так что соотношение интеллектуалов на душу населения – ничтожное, влияние минимальное. Профессиональных философов можно по пальцам пересчитать, а вот увлекающихся мыслями, принимая за них самые странные фантазии – тысячи. Поэтому интеллектуальное сословие, занимающееся наукой, богословием и философией – это процентов 10 от населения России. Остальные были малограмотными, а то и безграмотными, и такие встречались даже среди духовного сословия, и множество примеров этого дает наша художественная литература. Отсюда и колоссальная популярность спиритических сеансов. Даже Владимир Соловьев, изощренный интеллектуал, и тот повелся в свое время на спиритические сеансы, но быстро в этом разочаровался, лично уличив обман. А многие жили этими «сеансами», серьезно верили в этот способ коммуникации с высшими сущностями. Не надо читать Платона, достаточно пойти на «сеанс», задать вопросы и получить ответ из трансцендентных сфер. Обыватель всегда

выбирает простые пути. Чтобы понять Платона, мы должны знать Аристотеля, киников, Пифагора, постигнуть эпоху, то, что было до Платона, в его время и после, тогда вы адекватно понимаете текст. Понимание философского сочинения требует огромной предварительной работы, формирующей контекст. А тут никаких контекстов, и для диалога достаточно иметь медиума.

Теперь перейдем к другому маргинальному направлению... В слове «маргинальный» есть негативный оттенок, и в социологии «маргинальный» означает тех, кто находятся на обочине социума, выпадают из социальной структуры: алкоголики, бомжи. В нашем случае у этого термина иное значение. Также сразу хочу отметить, что если в случае с Блаватской мы имеем пример шарлатанства, имитацию интеллектуального процесса, то представитель другого маргинального направления достоин уважения. Современные сторонники «общего дела» или, как сегодня они предпочитают говорить, «философии общего дела», считают своим учителем Федорова. Сам он слова «философия» избегал, считал, что философия занимается какими-то абстрактными вещами, в то время как надо заниматься конкретным делом. Николай Федорович Федоров с его концепцией «общего дела», конечно, маргинальный философ, но оригинальный мыслитель. При всей его маргинальности его «общее дело» имело позитивное значение для духовной жизни, в том числе и для философии. Есть маргинальные направления мудрствования, играющие отрицательную роль для общества, для просвещения и т.д. и для философии в том числе, и есть маргинальные направления, играющие положительную роль, в частности, например, идеи Федорова.

Также можно отметить еще одну особенность философствования в России – это склонность к литературе и публицистике части наших мыслителей. С одной стороны существовал традиционный жанр, академический формат философствования, скажем, метафизика. Хочешь философствовать, занимайся метафизикой, где все схематизировано, четко расписано. Но раскрыв «историю русской философии» некоторых авторов, среди философов вы можете встретить Василия Васильевича Розанова, писателя, эссеиста, публициста, и для кого-то он просто циник и похотливый мужик. Очень для многих он отрицательный персонаж, антисемит, потому что принимал участие в том самом «осмыслении» дела Бэйлиса, феноменологии убийства Андриюши Ющинского и т.д., и выгнанный нашими интеллектуалами из религиозно-философского общества, как черносотенец. Вы не найдете ни одной философской работы у него, за исключением перевода с древнегреческого фрагмента сочинения Аристотеля. Тем не менее, вы найдете Розанова во многих «историях» как представителя отечественной философии. Также вы найдете в «историях русской философии» Достоевского, хотя он кроме слова «философия» ничего имеющего отношение к философии не знал. Знал, что есть такая наука философия, но ни одной философской книжки в жизни не прочитал. И Льва Толстого относят к числу философов.

Дело в том, что некоторые исследователи отмечают литературоцентризм русской мысли, считают литературу как одну из форм, позволявшей философствовать... Литература давала как раз ту форму сознания, когда можно порассуждать, пофилософствовать, не придерживаясь академических канонов, не утруждая себя традиционной метафизикой, не сдерживая полет мысли формальной логикой. И литература позволяла посмотреть на вечные проблемы, в том числе и философские, под новым углом зрения. Так что хотя «материал» у них другой, но суть проводимой, прodelьваемой писателями работы та же самая, что и у мыслителей. Позиция, что писателей можно включать в разряд философов по значимости прodelьваемой духовной работы, тоже имеет право на существование, хотя, конечно, есть немало и тех, кто против этого подхода, столь широкого толкования сути философской работы.

Можно встретить в истории русской философии, например, Данилевского, получившего естественнонаучное образование, формально занимавшегося вещами совсем далекими от философии. Тем не менее, вы и его можете найти в таком разделе истории русской мысли, как философия истории или историософия. Почему? Потому что он занимался осмыслением всемирной истории и той роли, которую могла бы играть в ней Россия. Вообще историософская тема, тема философии истории, пронизывает всю историю философии в России, начиная с митрополита Иллариона; потом Петр Чаадаев со своим «философическим письмом», которое является классической философией истории; Хомяков со своей «Семирамидой»; все славянофилы преимущественно заняты философией истории. Также заслуживает упоминания Леонтьев, предложивший триаду как универсальный процесс, которому подчиняется все во Вселенной: государство, религия, человек, философия, история региональная и всемирная – есть момент появления, достижения расцвета и фазы дряхлости, болезни, умирания. Длительность существования у всех разная, но рано или поздно любая система умирает. И российская цивилизация «умрет», но пока мы все-таки еще достаточно молоды, в то время как Запад «гниет», Поэтому понятен его призыв, что нам лучше держаться от Запада подальше, необходимо отгородиться от него. А мы еще молодые, поэтому нам надо беречь свое «здоровье». Согласно его трехчленной фазе Запад находится в третьей стадии – упрощения, смешения, разложения, распада. И Леонтьев видел признаки этого даже в бытовой культуре Запада, в тяге европейцев к унифицированности.

Коснувшись темы философствования на основе внешнего материала (литература, наука), хотелось бы отметить еще и Данилевского, предложившего свою концепцию культурно-исторических типов. Он полагал, что нет единого всемирно-исторического процесса, это иллюзия, это историки, грубо говоря, придумали, что есть древний мир, средние века, новое время. Им удобно применять универсальную планку, хронологическую линейку и на основе их искусственного мерил считать одни цивилизации более развитыми, чем другие. Нет единой истории, есть сосуществование

культурно-исторических типов. И Россия – новый культурно-исторический тип, имеющий особенность, которой лишены другие культурно-исторические типы: иудейский, романо-германский и т.д. В то время как прочие культурно-исторические типы (или цивилизации) бывают одно-двухосновными (одноосновные – где доминирует, например, религиозная составляющая, у других доминирует, скажем, религиозная и торгово-экономическая составляющая), Россия будет первым четырехосновным культурно-историческим типом, где получит развитие в полной мере религиозная составляющая, экономическая, социальная, культурная составляющая. Поэтому первый четырехосновный культурно-исторический тип, который займет лидирующее положение, будет воплощением человечности, поскольку все виды деятельности: интеллектуальной, физической, экономической и т.д. доведены до полноты развития исходного принципа. Конечно, Данилевский оговаривался, что речь не идет о том, что мы уже реальный четырехосновный культурно-исторический тип, но можем быть таким, потому как есть все условия, и в этом наша историческая миссия.

Отголоски этих идей мы можем заметить и в творчестве Соловьева. Следует отметить, что он выступил против концепции Данилевского, обвинив его еще и в плагиате. Причем, по иронии судьбы, когда в начале XX века в Германии Освальд Шпенглер опубликует свое сочинение «Закат Европы», некоторые критики будут обвинять его в плагиате, припоминая, что основные положения автора очень похожи на идеи Данилевского. Владимир Соловьев предлагал, опираясь на концепцию цельного разума, цельного знания, тот тип устройства общества, к которому нам необходимо стремиться. Для этого необходимо совместными усилиями провести определенные реформы в области естествознания, философии, религиозной жизни, экономической деятельности, политической сфере и т.д. И тогда мы достигнем состояния, которое он называл «органическим состоянием», когда общество будет подобно живому организму, где все работает друг на друга, сосуществует для другого, в то время как беды и проблемы нашего общества в том и состоят, что все сосредоточены исключительно на себе: церковь живет своими интересами, ученые живут ради своих научных целей, игнорируя церковь и политику и т.д.; экономика ставит целью только извлечение прибыли и сверхприбыли, неважно, какими средствами, игнорируя социальную справедливость; политики озабочены захватом власти и ее удержанием любой ценой, используя науку и церковь, но не служа им. Отсюда всеобщий раздор, общество находится в состоянии постоянной войны внутри себя, все слои, все индивиды находятся в конкурентной борьбе друг с другом, в войне всех против всех. Соловьев же предлагал модель сосуществования, которая уберет основания для вражды, и церковь не будет забывать об экономической, социальной и философской деятельности; философы не будут забывать о церкви, о политике, об экономике. Конечно, это можно назвать некой утопией, тем не менее, была некая картина

будущего, программа действий в настоящем, если мы претендуем на роль богоизбранного народа.

Своеобразный переход, точнее, скачок от физики к метафизике и фантазиям о будущем человечестве демонстрирует Циолковский. Фигура своеобразная, уникальная, где-то чуждаковатая, как раз представляет для нас тот самый тип людей, получающих образование по интересам, вне традиционных институций, классический самоучка, автодидакт. Всякий автодидакт читает то, что ему интересно. Обратная сторона такого обучения, отрицательная сторона подобной учености в том, что было несколько случаев, когда он открывал законы, уже давно известные. В итоге несколько лет усилий самоучки пропадали даром.

Однажды Циолковский приехал в Москву, чтобы поступать в Высшее техническое училище, но не смог стать студентом. Тем не менее, он остался в Москве, живя на копейки, продолжил самообразование в Румянцевской библиотеке, где в то время работал идеолог «общего дела» Федоров. Тот, видя, что перед ним такой внимательный, усердный читатель, предлагал ему книги для расширения кругозора. Но на основе этого биографического факта – реальной встречи Циолковского и Федорова – появилась красивая легенда, которая, в общем-то, настолько хороша и красива, что хочется верить, что действительно все так и было. Почему, спрашивается, Циолковский стал заниматься собственно ракетостроением, или, шире – освоением иных планет, внеземного пространства? Да потому, что он познакомился с проектом «общего дела» Федорова, подразумевающего воскрешение всех, когда-либо живших на Земле. А если воскреснут все, когда-либо жившие и умершие, то на Земле не хватит места для них. Соответственно, нужны другие планеты, чтобы перевозить туда избыток населения, неизбежный при реализации проекта Федорова. А то, что проект Федорова будет реализован, в этом ни сам Федоров не сомневался, ни Циолковский, поэтому он и стал заниматься изобретением как раз тех средств, технических возможностей, позволяющих переселять избыток землян на другие планеты.

Но все-таки большая часть специалистов склонна считать, что это все-таки такая красивая легенда. Человечество и до этого задумывалось о покорении других планет, и идея освоения других пространств Циолковскому была знакома по другим источникам. Что касается философии, то знания Циолковского здесь довольно-таки эклектичны, потому что читал он не систематично, преимущественно позитивистов, в силу своего увлечения естествознанием – Спенсер, Огюст Конт, Писарев, Чернышевский и прочие. Тем не менее, его сумбурное восприятие философии, естествознания и многих других идей, в том числе и из теософии, привело к тому, что он занимался не только расчетом технических возможностей освоения других планет, но и вышел на метафизические, онтологические проблемы, а именно: что такое Вселенная, какова ее структура, базовые элементы, какова элементарная частица? По Циолковскому вся Вселенная состоит из атомов, но довольно-таки специфических – они обладают душой, сознанием. С точки зрения

Циолковского атомы наделены душой, перемещаются, создают временные композиции, среди которых и наше тело. Основной тезис его этики – ничто живое не должно страдать, в том числе и атом. Для этого нужно было реформировать жизнь Земли, полностью изменить существование человечества и изменить его деятельность таким образом, что неважно, чем кто занимается, его деятельность должна быть подчинена одному – устранению страдания. Отсюда его идея превратить вооруженные силы всех стран в трудовые армии, которые должны установить новый порядок на Земле. И здесь возникает парадоксальная ситуация, потому что Циолковский в борьбе за то, чтобы ничто живое не страдало, шел на то, чтобы часть живого, та часть, которая причиняет страдания другим, была уничтожена. Извечная проблема всякого борца со злом, что добро должно быть с кулаками, решалась Циолковским в пользу кулака. Трудовые армии должны были тщательно проверить всю поверхность земли, чтобы истребить вех, кто причиняет страдания... Часть растений должна быть уничтожена, оставить следовало только то, что приносит пищу, хлеб, кров людям. Потом эти армии должны были буквально прочесывать леса и уничтожать все, что причиняет страдания другим, затем моря и океаны. И вот после того, как они прочистят всю Землю, оставив все то, что обладает максимальной производительностью, продуктивностью, дает пищу, будет создана продуктовая, материально-техническая основа для многократного увеличения численности людей. Циолковский исходил из того, что людей для освоения и покорения космоса недостаточно, где есть источники страдания, подлежащие уничтожению. Конечное состояние эволюции человечества, освоившего всю Вселенную, истребившего в ней все, что причиняет страдания, переход в лучистое состояние, человечество становится светом... Циолковский также предложил проект формирования интеллектуальных элит по определенной технологии. Это были своеобразные фермы по выращиванию гениев, замкнутые колонии с хорошим обеспечением, чтобы выдержавшие проверочные испытания таланты не думали о пище, а занимались интеллектуальной деятельностью.

И уже завершая очень краткий обзор истории философии в России, или истории русской философии, хотелось бы несколько слов сказать о видении философии в современной России. Чтобы понимать современное положение в философском сообществе, надо иметь в виду определенный временной промежуток, лет пятнадцать, как минимум. Не стоит забывать, что у нас еще продолжается переходный процесс, избавление от советской системы размышления, институций. В целом, конечно, условия для философии сегодня совершенно другие, мы живем в эпоху открытого общества, тем не менее, мы наблюдаем, по сути, тот же самый набор предпочтений, что и в XIX веке. Так же вы можете найти апологетов западной культуры, которые считают, что философствовать можно только так, как делают это в Германии, во Франции, в Америке, предпочитающих, за неимением собственной философии переводить философские тексты английских, американских мыслителей. Так же есть сторонники всего отечественного, самобытного,

любители русской, национальной философии, потому что у нее свои начала, свои принципы, надо опираться только на них. Тогда мы не потеряем свое лицо, и у нас будет какая-то особенность, а без этого мы растворимся в глобальном обществе.

Так же значительную роль играет университетская философия, а вот философия в духовных академиях уже не имеет того значения, что в XIX веке. Столь же активное влияние на философский процесс оказывает внекафедральное, внеуниверситетское сообщество, имеющее столь эффективное средство кооперации и коммуникации, как «сеть». Но если в XIX веке внеакадемическая, внекафедральная, кружковая философия, домашняя, салонная философия вовлекала, привлекала к себе все-таки людей с достаточно высоким интеллектуальным уровнем, то сегодня в этой сфере собирается огромное количество агрессивных дилетантов, сознание которых чрезвычайно аморфно, деструктурировано, фрагментарно. Но в любом процессе, явлении, институции всегда есть позитивный и негативный моменты. И в сетевых сообществах можно найти ассоциации, сообщества, члены которых пытаются решать те же самые проблемы, что и профессиональные философы. И эта ситуация свободы и колоссального массива информации принесет свои плоды. Возможно, что появятся новые мыслители, взращенные на основе современных информационно-коммуникативных технологий, которым на пользу пошли изобилие литературы и свобода мнений, отсутствие привязанности к прежним институциям, отсутствие правил, сдерживающих творческую мысль. Появятся ли из сетевого сообщества философы – покажет будущее, пока же они привычным образом «производятся» в университетах, впрочем, немногих.